

Стасов Владимир Васильевич

Лист, Шуман и Берлиоз в России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Васильевич С.**
Лист, Шуман и Берлиоз в России / Стасов Владимир Васильевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 197 с.

ISBN 978-5-519-75362-3

ISBN 978-5-519-75362-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

либо уцѣлѣвшія извѣстія о Берліозѣ, все сохранившіяся письма его. Въ разныхъ странахъ, многіе откликнулись на этотъ призывъ, въ числѣ многихъ другихъ — и я тоже. Я собралъ все, что мнѣ удалось отыскать, у насъ въ Россіи, берліозовскихъ писемъ, и послалъ ихъ Давиду Бертрану. Но онъ напечаталъ только часть ихъ въ своей книгѣ: «Correspondance inédite de Berlioz. Paris, 1879. По какому то странному капризу, или просто по непониманію дѣла, онъ многое, очень важное изъ моего матеріала оставилъ въ сторонѣ. Тогда я потребовалъ весь этотъ матеріалъ отъ него обратно и передалъ французскому музыкальному критику и писателю Октаву Фуку, который съ великою радостью напечаталъ его въ книгѣ «Les révolutionnaires de la musique». Paris, 1882. Впослѣдствіи этимъ матеріаломъ пользовался Жюльенъ въ своемъ большомъ, очень прославленномъ теперь сочиненіи: «Hector Berlioz, sa vie et ses oeuvres. Paris, 1888. Къ сожалѣнію, надо признаться, что какъ ни знаменита теперь эта книга, какъ ни трудолюбиво составляема, но многого оставляетъ желать: авторъ мало понимаетъ въ музыкѣ, одностороненъ, а потому многое представилъ далеко не въ настоящемъ свѣтѣ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, книга эта почти вовсе у насъ неизвѣстна. Что ка-

сается до Листа, то скоро послѣ смерти его. я написалъ письмо извѣстной нѣмецкой писательницѣ о музыкѣ и издательницѣ музыкальныхъ біографій и цѣлыхъ корреспонденцій, а вмѣстѣ пріятельница Листа — Маріи Липсіусъ (носящей псевдонимъ: Ла Мара), и совѣтовалъ ей собрать и издать всѣ письма Листа. При этомъ я обѣщалъ ей добыть всѣ листовскія письма, находящіяся въ Россіи, какія только мнѣ удастся получить. Она согласилась, и осенью 1893 года это собраніе было напечатано въ Лейпцигѣ извѣстною музыкальною фирмою: Брейткопфъ и Гертель. Писемъ же Листа мнѣ удалось собрать столько, и такихъ значительныхъ по содержанию, что на подобную массу Ла-Мара не смѣла даже разсчитывать: это она не разъ потомъ выражала мнѣ съ удивленіемъ и благодарностью.

Шуманъ не былъ въ перепискѣ ни съ кѣмъ изъ русскихъ музыкантовъ, и никогда ничего не зналъ ни о нихъ, ни о русской музыкѣ. Тѣмъ не менѣе, его коротенькое пребываніе въ Россіи представляетъ любопытные факты, и я ихъ изложу, на основаніи его переписки съ нѣмецкими его друзьями и родственниками.

Располагая такимъ богатымъ матеріаломъ, я вадумалъ воспользоваться имъ и извлечь изъ него, на первый разъ,

то, что обрисовываетъ отношеніе трехъ великихъ композиторовъ нашего вѣка къ русской музыкальной школѣ.

Раньше всѣхъ былъ въ Россіи Листъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1842 году, не только потому, что въ это время, начиная съ 1840 года, совершалъ свои колоссальныя музыкальныя путешествія по всей Европѣ, но также и потому, что получилъ нѣсколько специальныхъ приглашеній пріѣхать къ намъ. Еще въ Парижѣ онъ былъ знакомъ съ разными русскими семействами (въ томъ числѣ съ Обрѣзовыми), и многіе изъ русскихъ, тамъ собиравшихся, усердно упрашивали Листа, тогдашнюю модную знаменитость, не забыть во время будущихъ своихъ путешествій и Россію. Въ началѣ 1839 года, въ числѣ множества концертовъ, данныхъ Листомъ въ Римѣ, особенно выдающуюся роль сыгралъ концертъ, данный имъ въ залахъ князя Дм. Влад. Голицына, московскаго генералъ-губернатора, проживавшаго тогда довольно долгое время въ Римѣ. Устроивалъ этотъ концертъ, съ благотворительною цѣлью, графъ Мих. Юрьев. Віельгорскій, извѣстный тогда русскій меломанъ и композиторъ-любитель. Публика была самая избранная, въ числѣ ея очень много рус-

ской знати, а также посланниковъ разныхъ государствъ и римскихъ кардиналовъ. Всего замѣчательнѣе въ этомъ аристократическомъ концертѣ было то, что Листъ все время игралъ одинъ, не было кромѣ него, въ продолженіе всего вечера, никакого другого музыкальнаго исполнителя или пѣвца. Это была тогда совершенная новость. Никто еще раньше Листа не осмѣливался, въ продолженіе цѣлаго концерта, занимать собою однимъ вниманіе цѣлаго собранія слушателей, да еще такого своеобразнаго, причудливаго, избалованнаго и мало-музыкальнаго, какимъ бываетъ, въ большинствѣ случаевъ, собраніе аристократовъ. Не смотря, однако же, на то, Листъ произвелъ громадное впечатлѣніе и увесъ съ собою слушателей. Можно полагать не безъ основанія, что нѣкоторые изъ восхищенныхъ русскихъ опять звали Листа въ Петербургъ.

Лѣтомъ слѣдующаго, 1840 года, Листъ давалъ концертъ въ Эмсѣ, и пробылъ тамъ три дня. Въ это время въ Эмсѣ находилась императрица Александра Теодоровна и Листъ игралъ у ней каждый вечеръ.

«При первомъ же представленіи (какъ рассказывалъ впоследствии самъ Листъ своей біографіи, Листъ Раманнъ (Ramann, Franz Liszt, II, 84), императрица сурово (harsch) спросила его: «А вы еще не были въ Петербургѣ?» (Русская импе-

ратрица, захвативъ мы отъ себя, супруга императора Николая I, слишкомъ привыкла, чтобъ всѣ европейскія знаменитости стремились въ Петербургъ и считали бы за счастье тамъ показаться). Потомъ она указала ему на фортепiano, къ которому онъ и присѣлъ. Но инструментъ оказался болѣе чѣмъ плохимъ — онъ просто никуда не годился, а при его сильной игрѣ струны пошли ломаться одна за другою. Всѣ сидѣли холодные и натянутые, точно по заданному камертону. Первая пьеса прошла, не произведя ни малѣйшаго эффекта. Императрица даже какъ будто мало обратила вниманія на Листа, и съ оживленіемъ разговаривала съ Мейерберомъ. Только одна изъ молодыхъ польскихъ княженъ была крайне любезна съ великимъ піанистомъ. Но скоро потомъ Листъ взялъ — такъ свое. Послѣ чая, его снова попросили играть, и — ледъ во всѣхъ присутствующихъ растаялъ. Листъ сыгралъ «Ave Maria» Франца Шуберта въ своемъ переложеніи, и такъ сыгралъ, что императрица была растрогана. Слезы выступили у ней на глазахъ, придворныя дамы и камерлеры поспѣшили перестроить камертонъ. Восхищеніе, глубокое чувство, наконецъ энтузіазмъ выразились на всѣхъ лицахъ, полились восторженные комплименты, похвалы. Фантазія на «Гугеноты» произвела такой же эффектъ. Съ этого дня императрица никогда не переставала быть горячей почитательницей Листа.

Однако же и послѣ Эмса онъ еще цѣлыхъ полтора года не ѣхалъ въ Россію. Направился онъ къ намъ только въ первой половинѣ 1842 года, послѣ его путешествія въ Берлинъ, гдѣ онъ далъ, съ громаднымъ успѣхомъ, цѣлыхъ 21 концертъ (такой массы концертовъ за одинъ разъ, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, онъ кажется, еще нигдѣ не давалъ). Въ Це-

тербургѣ поминутно получались, одни за другими, все новыя и новыя газетныя свѣдѣнія о берлинскихъ колоссальныхъ триумфахъ Листа, и возбуждали всеобщія ожиданія: всѣмъ извѣстно было, что изъ Берлина Листъ пріѣдетъ къ намъ въ Петербургъ.

Это совершилось 8 апрѣля. На другой же день Листъ представлялся императору Николаю I, который, едва выйдя въ аудіенцъ-залу, и оставивъ въ сторонѣ всѣхъ генераловъ и сановниковъ, тутъ ждавшихъ, прежде всего обратился къ Листу со словами: «*Monsieur Liszt*, я очень радъ видѣть васъ въ Петербургѣ», и затѣмъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Спустя четыре дня (8 апрѣля), Листъ далъ свой первый концертъ въ залѣ Дворянскаго собранія, переполненной до нельзя. Слушателей было свыше 3,000 человекъ. Все было необыкновенно въ этомъ концертѣ. Во-первыхъ то, что одинъ Листъ являлся все время на эстрадѣ: кромѣ него не было, во весь концертъ, никакихъ другихъ исполнителей, ни оркестра, ни пѣвцовъ, ни солистовъ на какомъ бы то ни было другомъ инструментѣ. Это была для всѣхъ какая-то неслыханная, необычайная новость, какъ будто даже дерзость. Какое самолюбіе! какое раздутое самомнѣніе! Меня одного, дескать, довольно. Слушайте меня одного, боль-

не никого не надо. Потомъ, эта манера поставить для себя маленькую эстраду на самой серединѣ залы, словно островокъ среди океана, словно высокій престолъ какой надъ головами толпы, — и оттуда лить на всѣхъ потоки своей силы и власти. И потомъ опять, какая музыка у него назначена была на афишахъ: не только фортепіанныя вещи, которыя и составляютъ настоящую его, единственную задачу, — пѣть, этого ему для его безмѣрнаго самолюбія мало — ему надо замѣнить собою и оркестръ и человѣческіе голоса. Онъ беретъ «Аделаиду» Бетховена, романсы Шуберта — и рѣшается исполнять ихъ замѣсто пѣвцовъ и пѣвицъ! На одномъ фортепіано! Онъ беретъ большія оркестровыя сочиненія, увертюры, симфоніи — и тоже исполняетъ ихъ одинъ одинопенекъ, за цѣлый оркестръ, безъ всякой помощи, безъ единого звука скрипки, валторны, литавры! И въ такой еще громадной залѣ! Вотъ чудакъ-то!

Въ своихъ автобіографическихъ воспоминаніяхъ объ императорскомъ училищѣ Правовѣдѣнія (гдѣ я воспитывался вмѣстѣ съ А. Н. Стровымъ, съ которымъ мы были пріятелями), я рассказывалъ:

«Когда зала стала наполняться, я тутъ увидалъ, въ первый разъ своей жизни — Глинку. Мнѣ его указалъ Стровъ, который незадолго до того съ нимъ познакомился, и, конечно, поспѣшилъ подойти

къ нему, съ улыбками, вопросами и рукопожатіями. Однако, Глинка не долго съ нимъ распространялся; его стала являть одна старая дама, сухая и старая, какъ говорили, отличная тогдашняя шанистка—м-ме Палибина (*даже слышеть разговоръ этой дамы съ Глинкой про оперу «Русланъ и Людмила», сочиненіе которой въ то время подвигалось къ концу*)...

«Вдругъ съѣздился въ биткомъ набитомъ залѣ Дворянскаго собранія какой-то шумъ, всѣ повернулись въ одну сторону, и мы увидѣли Листа, прохаживающагося по галлерей за колоннами, подъ ручку съ толстогузымъ графомъ Мих. Юрьев. Вильгорскимъ, который медленно двигался, вращая огромными выпученными глазами, въ занятыхъ à la Аполлонъ Бельведерскій кудрявохъ парикѣ и въ громадномъ бѣломъ галстухѣ. Листъ былъ тоже въ бѣломъ галстухѣ, поверхъ котораго красовался у него на шеѣ орденъ Золотой Шпоры, не задолго передъ тѣмъ данный ему напою, съ какими-то орденами, въ цвѣточкахъ, на отворотѣ фрака. Онъ былъ очень худощавъ, держался сутуловато, и хотя я много читалъ про его знаменитый «флорентинскій профиль», дѣлавшій его будто-бы похожимъ на Данта, я не нашелъ ничего хорошаго въ его лицѣ. Мнѣ уже сильно не понравилась эта мапія орденовъ, а потомъ точно также мало нравилось его приторное, изысканное обращеніе со всѣми встрѣчавшимися. Но что сильно поражало—это громадная бѣдокурая грива на головѣ. Такихъ волосъ никто не смѣлъ тогда носить въ Россіи, они были здѣсь строжайше запрещены. Тотчасъ пошелъ глухой говоръ по залѣ, замѣчали и отзывы про Листа. У моихъ соседей разговоръ, на минуту прерванный, снова завязался. Мадмъ Палибина спрашивала Глинку, слыпалъ-ли онъ уже Листа. Тотъ отвѣчалъ, что да, слыпалъ еще вчера вечеромъ, у графа Вильгорскаго. «Ну, и что же, какъ вы его нашли?» спрашивала неотвязчивая знакомая. (И тутъ я пришелъ въ неописанное изумленіе и

исгодование: Глинка безъ малѣйшаго затрудненія отвѣчалъ, что пное Листъ играетъ превосходно, какъ никто въ мірѣ, а пное прелепносно, съ пре-
фальшивымъ выраженіемъ, растягивая темныя, и прибавляя къ чуждымъ сочиненіямъ, даже къ Шопену и Бетховену, Веберу и Баху, множество своего собственнаго, часто безикуснаго и нигуда негоднаго, пустѣйшихъ украшеній. Я былъ ужасно скандализированъ. Какъ! вотъ какъ смѣеть отзы-
ваться о великомъ гениальномъ Листѣ, отъ кото-
раго съ ума сходитъ вся Европа, какой-то нашъ «иносродственный» русскій музыкантъ, еще ничѣмъ особеннымъ себя не заявившій! Я былъ ужасно сердитъ, ~~и~~ мадамъ Паллибина тоже, кажется, не со-
всѣмъ-то расположена была раздѣлять мнѣнія Глинки, и смѣясь говорила: «Allons donc, allons donc, tout cela se n'est que rivalité de métier!» Глинка, тоже смѣясь, и пожимая плечами, отвѣ-
чалъ: «какъ вамъ угодно!». Но въ эту минуту Листъ, посмотрѣвъ на часы, сошелъ съ галлереи, протѣснился сквозь толпу, и быстро подошелъ къ эстрадѣ; но вмѣсто того, чтобъ подняться по ступенькамъ, вскочилъ сбоку прямо на возвы-
шеніе, сорвалъ съ рукъ бѣлыя свои лайковые перчатки и бросилъ ихъ на полъ, подъ фортепіано, никакъ раскланялся на всѣ четыре стороны, при такомъ громѣ рукоплесканій, какого въ Петербургѣ навѣрное съ самаго 1703 года еще не бывало, и сѣлъ. Мгновенно наступило въ залѣ такое молча-
ніе, какъ будто всѣ разомъ умерли, и Листъ на-
чалъ, безъ единой ноты прелюдированія, виолон-
чельную фразу въ началѣ увертюры «Вильгельма Телля». Кончилъ свою увертюру, и пока зала
тряслась отъ громовыхъ рукоплесканій, онъ бы-
стро перешелъ къ другому фортепіано (стоявшему
хвостомъ впередъ), и такъ являлъ роля для каж-
дой новой пьесы, являясь лицомъ то одной, то
другой половинѣ залы. Въ этомъ же своемъ кон-
цертѣ Листъ игралъ еще Andante наъ «Лучія»,
свою фантазію на Моцартова «Донъ-Жуана» пе-
реложенный для фортепіано «Ständchen» Шуберта,

«Аделаиду» Бетховена, «Эрлькёнига» Шуберта, и въ заключеніе — очень плохой и ничтожный по музыкѣ, но увлекательный по ритму и курьезный по гармоніямъ свой «Galop chromatique»... Мы съ Стровымъ были послѣ концерта какъ помѣшанные, едва сказали другъ другу по нѣскольку словъ, а поспѣшили каждый домой, чтобы поскорѣе написать одинъ другому (мы тогда были въ постоянной перепискѣ, такъ какъ я еще кончалъ свой курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія) свои впечатлѣнія, свои мечты, свои восторги. Тутъ мы, между прочимъ, клялись другъ другу, что этотъ день 8-го апрѣля 1842 года отнынѣ и на вѣки . будетъ намъ священный, и до самой гробовой доски мы не забудемъ ни одной его черточки. Мы были какъ влюбленные, какъ бѣшеные. И не мудрено. Ничего подобнаго мы еще не слыхивали на своемъ вѣку, да и вообще мы никогда еще не встрѣчались лицомъ къ лицу съ такою гениальною, страшною, демоническою натурою, то носившеюся ураганомъ, то разливавшеюся потоками нѣжной красоты и граціи...» (Русская Старина, 1881, июнь, стр. 266).

Впечатлѣніе отъ Листовой игры было рѣшительно подавляющее, даже тогда, когда онъ игралъ такія плохія вещи, какъ «Аделаида» Бетховена, или фаворитное у всѣхъ европейскихъ публикъ Andante изъ «Лучія». Во 2-мъ концертѣ всего замѣчательно явились у него одна мазурка Шопена (B-Dur) и «Erlkönig» Фраяца Шуберта — этотъ послѣдній въ его собственномъ переложеніи, но исполненный такъ, какъ навѣрное никогда не исполнялъ еще ни одинъ пѣвецъ въ мірѣ. Это была настоящая картина, полная поэзіи, таинственности, волшебства, красокъ, лошадиного грознаго топота, чередующагося съ отчаяннымъ голосомъ умирающаго ребенка. Я думалъ, что никогда на своемъ вѣку не услышу больше ничего подобнаго, и однако вышло, что я жестоко ошибался: въ послѣдствіи, я слышалъ много разъ и «Erlkönig'a», и мазурку Шопена въ исполненіи Рубини-